

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

БАЛЬЗАКОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Возраст любви

Роковые женщины

Сергей Нечаев

**Бальзаковские
женщины. Возраст любви**

«Яуза»

2014

Нечаев С. Ю.

Бальзаковские женщины. Возраст любви / С. Ю. Нечаев —
«Яуза», 2014 — (Роковые женщины)

«За ночь любви не жаль отдать жизнь», «Любовь – наше второе рождение», «Кто в силах управлять женщиной, может править государством» – так говорил Оноре де Бальзак, которого по праву величают «знатоком женского сердца» и которому мы обязаны такими понятиями, как БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ и БАЛЬЗАКОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ. А был ли сам он счастлив в любви? Насколько обширен его «донжуанский список»? Что за роковые женщины разбивали ему сердце, заставив написать эти горькие слова: «Любовь – фальшивомонетчик, превращающий не только медяки в золото, но зачастую и золото в медяки», «Никто не становится другом женщины, если может быть ее любовником», «Чтобы высечь огонек страсти из женщины-кремня, нужен мужчина с характером твердым, как сталь». Удалось ли самому Бальзаку раздуть этот огонь любви? Завоевал ли он руку и сердце своей избранницы? И кто она, та единственная, за ночь с которой «не жаль отдать жизнь»?

© Нечаев С. Ю., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Предисловие, или что такое женщина бальзаковского возраста	5
Глава первая. Непонятый ребенок	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Нечаев

Бальзаковские женщины. Возраст любви

Предисловие, или что такое женщина бальзаковского возраста

Бальзаковский возраст – это когда замуж уже не зовут, а в гроб еще рано.

Неизвестный автор

Возраст для женщины не самое главное: можно быть восхитительной в 20 лет, очаровательной в 40 и оставаться неотразимой до конца своих дней.

Коко Шанель

Как видно из подобранных эпиграфов, отношение к бальзаковскому возрасту может быть самым разным. Так что же это такое и откуда появился этот весьма неоднозначный термин?

Любой филолог вам скажет, что термин «бальзаковский возраст» стал общеупотребительным после появления в 1831 году романа Оноре де Бальзака «Тридцатилетняя женщина». Героиня этого романа отличалась независимостью, самостоятельностью суждений и свободой в проявлении своих чувств. В результате в первые годы после выхода романа в свет это выражение употреблялось иронически по отношению к женщинам, которые были похожи или стремились походить на героиню бальзаковского произведения.

К сожалению, позднее это значение термина забылось. Более того, термин приобрел какое-то шутивно-ироническое звучание, порой очень даже обидное для женщин. В результате бальзаковским возрастом стали называть возраст от 30 до 40 лет. Причем употреблялся этот термин не только по отношению к независимым женщинам, свободным в своих чувствах, но и ко всем женщинам примерно этого возраста.

Это выражение активно используется в кино, книгах и СМИ. Достаточно назвать популярный телефильм «Бальзаковский возраст, или Все мужики сво...», который содержит около сорока серий. Но в настоящее время многое изменилось со времен Бальзака. Прежде всего, если в XIX веке к 30 годам женщина уже должна была иметь детей юношеского возраста, то сейчас 30 лет – это для многих только возраст вступления в брак. Да и современная косметология стала творить такие чудеса, что понятие «бальзаковский возраст» еще более сдвинулось – в сторону 40–45 лет. Типичный пример – известная поговорка: «В сорок пять – баба ягодка опять!»

Разные люди вкладывают в эту фразу совершенно различный смысл. Одни считают, что женщина бальзаковского возраста – это женщина, имеющая жизненный опыт и свое собственное суждение о многих житейских и не только ситуациях. Другие уверены, что это женщина в самом расцвете, уже не девочка, но еще не начавшая увядать.

А что же Бальзак? Он прекрасно умел использовать женщин, которые любили его и были старше по возрасту. Сам он родился 20 мая 1799 года. Его первая женщина, Лора де Берни, родилась 23 мая 1777 года, то есть была на 22 года старше.

Герцогиня Лора д'Абрантес родилась в 1784 году, и она была на 15 лет старше Бальзака. Жюльма Карро родилась в 1796 году, и она была всего на 3 года старше Бальзака.

Маркиза де Кастри тоже родилась в 1796 году, и она была на 2,5 года старше Бальзака.

Эвелина Ганская родилась в 1801 году, и она была моложе Бальзака.

А графиня Гидобони-Висконти вообще родилась в 1804 году.

Что это за женщины? Это вы узнаете, прочитав книгу. Но одно точно – все они сыграли очень важную роль в жизни великого писателя. Более того, именно они помогли ему стать великим писателем.

Как видим, разница в возрасте Бальзака и его очередной женщины снижалась. Но все они были типичными женщинами «бальзаковского возраста». Самый типичный пример – Лора де Берни. Когда они познакомились, Бальзаку было 23 года, а ей – 45 лет.

Лора д'Абрантес была моложе Лоры де Берни. Но с Бальзаком они познакомились, по разным данным, в 1825 или в 1829 году. То есть герцогине тогда был или 41 год, или все те же 45 лет.

Анриетта де Кастри была еще моложе, но когда Бальзак начал встречаться с ней, ей было 36 лет. С Зюльмой Карро он начал переписываться, когда той исполнилось 33 года, Эвелине Ганской, ставшей потом женой Бальзака, когда писатель повстречался с ней, было 32 года, да и графине Гидобони-Висконти, когда они познакомились, был 31 год.

Итак, мы видим, что и в биографии самого Бальзака значимым для него женщинам было от 31 года до 45 лет. И это в момент, когда они знакомились, ибо потом, в процессе общения, все они становились только старше. И это удивительно, ведь в те времена женщины старше 30 лет уже просто обязаны были быть замужем (тогда девушки выходили замуж в 14–18 лет). Поэтому считалось, что 30-летняя женщина уже вроде бы как и не имеет права на любовь...

Впрочем, как уже говорилось, к середине прошлого столетия временные рамки бальзаковского возраста уверенно сдвинулись к 40 годам, а потом и еще дальше.

Почему все эти женщины так привлекали Бальзака? Потому что они были взрослыми, опытными, вполне сложившимися натурами. Ему нужно было что-то брать от них, и он брал. У кого-то – деньги, у кого-то – полезные советы или знакомства. Короче, он их использовал в своих собственных интересах. А что возьмешь с 18-летней дурочки? Да, она может быть прекрасной, как цветок, но чем она может помочь, поддержит ли в трудную минуту...

Ну а с чисто социальной точки зрения сегодня бальзаковский возраст женщины означает для нее полную свободу. Она уже многое имеет, дети (если они есть) подросли, и женщина может вновь подумать о себе. Она может распределять день по своему собственному усмотрению и посвящать больше времени своим любимым занятиям. Женщина в этом возрасте становится мудрее, она уже научилась разбираться во многих вопросах. Ведь в ее распоряжении – огромный жизненный опыт, которого просто не может быть у 18-летних.

И главное, женщину бальзаковского возраста уже меньше беспокоит плохое поведение мужа, ведь в 40–50 лет многие мужчины уже имеют приличный животик и злоупотребляют алкоголем. А порой и гуляют на стороне... И если для 18-летней девушки это катастрофа, то женщина бальзаковского возраста на это смотрит уже совсем по-другому. Она же личность, ее жизненные интересы давно обрели четкость, и она способна радоваться жизни самостоятельно. Как говорится, «что-нибудь из двух: вас любят или не любят. В обоих этих крайних случаях ревность оказывается совершенно бесцельной». Кстати, знаете, кто это сказал? Между прочим, Оноре де Бальзак.

Американские психологи, проводившие опрос среди женщин бальзаковского возраста относительно их жизнеощущения, с удивлением для себя узнали, что почти все женщины в этот период жизни живут беззаботнее и свободнее, чем раньше, и только теперь могут по-настоящему наслаждаться жизнью.

Да и опросы в нашей стране показывают, что женщины бальзаковского возраста более уверены в себе и более независимы. В большинстве своем они не думают о старости, не записывают себя в старухи. Пока здоровье позволяет, они наслаждаются окружающим миром и жизнью. Ведь человеку именно столько лет, на сколько он себя ощущает.

Сейчас даже русские женщины, которым давно надоело останавливать на скаку коней и входить в горящие избы, научились любить себя. И посмотрите, кто сейчас в основном заполняет тренажерные залы, посещает выставки и ездит на экскурсии... Закрасить седину сейчас – не проблема. Сбросить пяток лишних килограммов – тоже. И нормальная женщина бальзаковского возраста уже не позволит себе быть «разведенной» каким-то юнцом из провинции, она сама кого угодно «разведет», особенно молодого и неопытного. И использует она его так технично, что мужчина при этом будет уверен, что это он ее использовал...

А, кстати, вы заметили, что термин «бальзаковский возраст» не употребляется в отношении мужчин? И это потому, что современные мужчины в 40–50 лет в большинстве своем представляют собой весьма жалкое зрелище. А на некоторых и в 30 лет без смеха не взглянешь. Это и понятно, ведь путь к их сердцу лежит через желудок, и молчаливы они лишь потому, что им нечего сказать, и от мальчишек они отличаются лишь стоимостью своих игрушек. И пусть вести здоровый образ жизни модно, но они-то за модой не гонятся...

И что удивительно, именно такие вот мужчины очень любят говорить про женщин бальзаковского возраста с оттенком презрения, связывая его с физическим и психологическим увяданием и развивая в женщинах комплексы по поводу собственного возраста.

А что тут комплексовать? Ведь «женщина всегда на семь лет моложе, чем утверждают ее подруги, и на пять лет старше, чем дают ей мужчины». Это Джина Лоллобриджида сказала, одна из красивейших женщин на свете, секс-символ 50-х гг. Она, кстати, родилась в 1927 году, и ей сейчас далеко за восемьдесят...

Правда, есть и иные мнения. Например, вот такое:

«И вот, нежданно-негаданно, ты становишься женщиной среднего возраста. Никто не замечает тебя. Ты обретаешь удивительную свободу – свободу человека-невидимки».

А это слова английской писательницы Дорис Лессинг. Но она, между прочим, родилась в 1919 году, а Нобелевскую премию по литературе получила в 2007 году, то есть в 88 лет. Так что правы те, кто считает, что в пятьдесят жизнь только начинается. Ну и, конечно, «каждая женщина имеет тот возраст, какого заслуживает». А это уже слова знаменитой Коко Шанель, которая умерла в 1971 году в возрасте 87 лет.

А что же Бальзак? Да, он использовал женщин бальзаковского возраста. Он стал тем, кем стал, во многом именно благодаря им. Но, кстати, последняя его женщина, Эвелина Ганская (практически наша, между прочим, соотечественница), когда Бальзак умер 18 августа 1850 года, печалилась недолго. Сначала она нашла утешение в объятиях молодого литератора Жюль-Франсуа Шамфлёри, изучавшего жизнь и творчество Бальзака, а затем, в 1852 году, стала любовницей художника Жана Жигу. Ей тогда был 51 год, а умерла она в возрасте «за восемьдесят», прекрасно подтвердив тезис о том, что хороши женщины, не скрывающие своего возраста, но еще лучше те, которым и незачем это делать.

И кто после этого скажет, что после пятидесяти женщина оказывается на излете своей сексуальной привлекательности, за порогом своего женского счастья...

А вот Лора де Берни умерла в 1836 году в возрасте 59 лет. Она так и продолжала любить Бальзака, а он в это время веселился с другой женщиной. Да, он любил Лору, но по-своему. Слишком уж «по-своему». Она стала ему больше чем матерью. Она всегда поддерживала его словом и делом. Она думала о нем даже в последние минуты своей жизни.

В психологии это называется «якориться». Под этим подразумеваются события или люди, когда-то вызвавшие у человека сильные эмоции, а потом зафиксированные его бессознательным и многие годы спустя вызывающие схожую эмоциональную реакцию.

«Якориться» неправильно, а порой и весьма опасно. «Заякоренную» эмоцию можно и нужно перебивать другой сильной эмоцией или, в конце концов, каким-то делом. Недаром же меньше всего депрессий бывает у людей в деревне, ведь им надо и корову подоить, и дрова наколоть, и печь растопить, и за водой сходить – короче, куча дел, переживать некогда. А в

городе «не якориться» женщинам помогает карьера, а также такое универсальное средство, как дети и внуки, в которых многие, став мамами и бабушками, растворяются практически полностью.

Но проблема Лоры де Берни была гораздо сложнее, ведь Бальзак был на 22 года ее моложе. Это для женщин бальзаковского возраста нередко становится вопросом непреодолимым. Тут очень часто происходит трансформация ума и характера, ибо увядающая женщина проецирует на значительно более молодого партнера свою, как ей кажется, последнюю любовь.

Дело в том, что молодая женщина всегда сексуально одаривает молодого мужчину (я молода и красива, и тем самым я уже есть счастье) и требует за это благодарности. А вот женщина бальзаковского возраста уже понимает, что и ее возлюбленный в равной мере осчастливил ее. Если он намного моложе, то он дарит ей свою мужскую силу, свое тело, свое внимание. И она учится принимать этот дар, учится быть за него благодарной. Она становится мудрее...

И хорошо, когда между молодым мужчиной и женщиной бальзаковского возраста в главном имеет место некий паритет: она – ему, а он – ей. И плохо, когда этот паритет нарушается. К сожалению, большинство мужчин откровенно не ценят опыт и душевное богатство той, которая «уже достигла вершины своей горы жизни и начала спуск в долину женского забвения». Их этому просто не научили. А ведь любовь уже стареющей женщины может стать исключительным счастьем для мужчины. У таких женщин любовь – как лебединая песня. И тут ценится все... Как в последний раз... И любой пастушок может показаться принцем. А если женщина бальзаковского возраста опытна и мудра, она, конечно же, видит, что никакой это не принц, но... она так рада обманываться...

О первой любви много всего написано. О последней – гораздо меньше. А между тем именно последняя любовь женщины, женщины мудрой и опытной, – это любовь исключительная, ибо стареющая женщина умеет мужчину любить. Умеет его ценить. Умеет быть ему благодарной. Жаль только, что не все мужчины понимают это. Вот и Бальзак сменил женщину, которая была на 22 года его старше, на ту, что была старше «всего» на 15 лет. А потом – на два-три года... А потом нашел себе тех, кто помоложе. Но вот стал ли он от этого счастливее...

Глава первая. Непонятый ребенок

*Мои страдания состарили меня... Вы едва ли можете себе представить, какую жизнь я вел до двадцатидвухлетнего возраста.
Из письма Бальзака герцогине д'Абрантес*

Департамент Тарн расположен в южной части Центрального Французского массива. Спросите любого француза, какая первая ассоциация возникает у него в связи со словом «Тарн», и почти все скажут: овцеводство и обработка овечьих шкур. Собственно, ничего иного от них нельзя и требовать. Ну нет там ничего больше и никогда не было. Однако именно в этом богом забытом департаменте, в деревушке Ля-Нугейрье, жила семья неких Бальсса (Balssa). И жила бы она, как и многие другие крестьянские семьи, неизвестно, если бы в 1746 году в ней не появился на свет мальчик, которого назвали Бернар-Франсуа.

Этот Бернар-Франсуа Бальсса оказался отнюдь не лишенным тщеславия малым и вдруг начал похвастаться перед всеми, что его предками будто бы были представители весьма знатного и известного во Франции дворянского рода де Бальзак. Конечно, это была полная ерунда, просто корень «Бальс» на лангедокском наречии означает «крутой утес», и поэтому на юге Франции жило множество таких же «дворян», носивших фамилии Бальссак, Бальзак, Бальсса, Бальзан и т. п. Понятное дело, к дворянам все они никакого отношения не имели.

Биограф Бальзака С. Цвейг¹ по этому поводу пишет:

«Отец его просто в шутку, да и то в самом тесном домашнем кругу, похвалялся весьма сомнительным и весьма отдаленным родством с древнегалльской рыцарской фамилией Бальзак».

Но Бернар-Франсуа был не только большим шутником, он еще был очень настойчив, и вскоре односельчане привыкли и стали называть его Бальзаком. Так благодаря крестьянскому упрямству отца (а Бернар-Франсуа – это отец знаменитого писателя Оноре де Бальзака) Бальзаком стал и главный герой нашего повествования.

Итак, Бернар-Франсуа Бальсса сам «отредактировал» свою фамилию. И сделал он это не просто так. С раннего детства он – старший из одиннадцати детей своих родителей – спал на тюфяке с соломой и помогал отцу пасти овец, но мечтал он совсем не о такой жизни. Он мечтал о карьере нотариуса и переезде не в какой-нибудь Альби или Монтобан, а в Париж. Шансов на это было немного, но жить с сознанием своего высокого происхождения и предназначения, согласитесь, гораздо интереснее.

С. Цвейг характеризует Бернар-Франсуа так:

«Сельский священник обучил его грамоте и даже немного латыни. Но крепкий, жизнерадостный и честолобивый юнец вовсе не собирается выбрить себе тонзуру и дать обет безбрачия. Некоторое время он еще остается в родной деревушке, то помогая нотариусу переписывать бумаги, то трудясь на родительской овчарне и на пашне; но вот, достигнув двадцати лет, он уезжает из родных краев, чтобы не возвратиться более. С упрямой напористостью провинциала, великолепнейшие образцы которой опишет в своих романах его сын, он обосновывается в Париже, поначалу действуя неприметно и втихомолку, – один из бесчисленных молодых людей, которые жаждут сделать карьеру в столице, но не знают еще, каким образом и на каком поприще».

---

¹ Цвейг, Стефан (1881–1942) – известный австрийский писатель. С 1934 года жил в эмиграции (Великобритания, США, Бразилия). Не выдержав разлуки с родиной и отчаявшись перед лицом начавшейся войны, покончил жизнь самоубийством. Автор нескольких сборников новелл, а также биографических романов, эссе и очерков. Его биография Бальзака, над которой он работал около тридцати лет, была опубликована в 1946 году.

Он начал службу рассыльным в одной адвокатской конторе. Ее хозяин – добрый старик – познакомил его с основами общего права, с судебными процедурами и составлением нотариальных актов.

Другой известный биограф Бальзака А. Моруа² пишет о его отце:

«Когда он подался в Париж, все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих».

Хватка провинциала, всего добивающегося трудом и упорством, сослужила Бернар-Франсуа хорошую службу, и он стал быстро продвигаться по ступенькам служебной лестницы. Сначала он подвизался на второстепенных ролях, потом попал в Королевский совет, где начал готовить доклады по самым различным вопросам, помогая Жозефу д'Альберу, который взял смышленного парня себе в секретари. После этого он стал личным секретарем министра морского флота Бертрана де Мольвилля, а это уже означало возможность иметь дело со знатными вельможами.

Бернар-Франсуа мечтал присоединить к своей фамилии дворянскую частицу «де» и уже был близок к этому (по крайней мере, в глубине собственного сознания), но тут грянула революция, и это на определенное время стало неактуальным.

По слухам, оппортунист по натуре, он помогал роялистам – своим прежним покровителям и друзьям. Поэтому, когда начался революционный террор, от греха подальше, ему посоветовали уехать из столицы.

Он нашел прибежище в Балансьене, где начал работать в службе снабжения Северной армии. Там он ведал провиантом, фуражом, топливом и свечами, и что удивительно, находясь на такой «хлебной» должности, не только не был посажен сам, но и отличился тем, что не был задержан ни один из его подчиненных.

Кристалльная честность на подобных постах не пользуется особой популярностью, следовательно, Бернар-Франсуа Бальзак был человеком умным, осторожным и изворотливым. Во всяком случае, не будучи богатым, он жил в свое удовольствие, щеголяя в красивом синем мундире, расшитом серебром. Как говорится, у него все было, а ему за это ничего не было.

Через некоторое время Бернар-Франсуа снова «вынырнул» в Париже в качестве первого секретаря банкирского дома Даниэля Думерка.

В 1796 году, то есть в возрасте пятидесяти лет, оборотистый и пышущий здоровьем клерк обратил взор на дочь одного из партнеров своего начальника. Ее звали Шарлотта-Лора Салламбье, и она была на целых тридцать два года моложе своего суженого. Поговаривали, что партию эту составил для своего служащего сам Даниэль Думерк, но четких доказательств этому нет. Очевидно одно: мнением девушки по этому поводу никто и не поинтересовался.

Семейство Салламбье принадлежало к числу весьма уважаемых в парижском квартале Марэ, где жили аристократы и богатые коммерсанты. Во всяком случае, отец Шарлотты-Лоры, Клод-Луи Салламбье, в свое время был секретарем виконта де Бона, бригадного генерала королевской армии, и происходил из почтенной буржуазной семьи суконщиков, которой принадлежала большая фабрика позументов под звучным названием «Золотое руно». В рассматриваемое нами время он был директором парижских домов для престарелых и имел с банкиром Думерком немало общих интересов.

---

² Моруа, Андре (1885–1967) – известный французский писатель (его настоящее имя – Эмиль Эрзог), член Французской академии. Автор новелл, литературно-критических эссе, книг по истории, а также романов «Превратности любви», «Семейный круг» и др. Всемирную известность он завоевал своими биографическими произведениями: «Байрон», «Тургенев», «Лелия, или Жизнь Жорж Санд», «Олимпиа, или Жизнь Виктора Гюго», «Три Дюма» и др. Его книга «Прометей, или Жизнь Бальзака» была опубликована в 1965 году.

Период ухаживаний продолжался недолго, и свадьба Бернар-Франсуа Бальзака и Шарлотты-Лоры Салламбье состоялась в Париже 30 июня 1797 года.

Дальше события стали разворачиваться по сценарию, который весьма метко определил С. Цвейг:

«Едва связав себя брачными узами, Бальзак-отец счел ниже своего достоинства и к тому же весьма неприбыльным оставаться простым клерком. Война под водительством Наполеона представляется ему куда более быстрым и богатым источником дохода».

Но непосредственно на войну он не пошел (все-таки война – это дело молодых), а при содействии генерала де Померёля стал помощником мэра в городе Туре и попечителем местных богоугодных заведений (тут явно не обошлось без протекции тестя). Семейство Бальзаков стало жить на широкую ногу.

* * *

20 мая 1798 года, через одиннадцать месяцев после свадьбы, Шарлотта-Лора Бальзак родила сына, которого она пожелала кормить грудью сама, но младенец, которого назвали Луи-Даниэль, прожил всего тридцать два дня. Мать так тяжело переживала смерть сына, что даже не пошла на похороны. Все-таки перенести подобное в двадцать лет – это и врагу не пожелаешь. Потрясенная этой драмой, она стала замкнутой, словно внутри себя пыталась найти причину своего несчастья. А может быть, там она искала опору, которой не находила в муже, постоянно пропадавшем на работе.

Вот почему, когда 20 мая 1799 года в семействе Бальзаков родился второй ребенок, названный Оноре, она предпочла поручить его кормилице – жене жандарма из селения Сен-Сир-сюр-Луар. Так что фраза «впитал с молоком матери» к нашему герою не будет иметь никакого отношения.

А жаль. Дело ведь не только в химических свойствах материнского молока, у кормилицы эти свойства могут быть ничуть не хуже. Гораздо важнее то, что если мать радостно и охотно кормит своего малыша, она как бы передает ему свою любовь, питает его радостью, формирует положительное отношение к миру и людям, к себе самому. Недаром же говорят, что материнское молоко – это ее материализованная нежность. Ни одна кормилица, какой бы доброй она ни была, этого ребенку не даст.

Первый близкий контакт ребенка с другим человеком – это контакт с матерью, и именно мать отвечает за то, чтобы он оставил радостное впечатление об этом на всю жизнь. От этого во многом зависит, как сложится в дальнейшем его судьба.

Именно поэтому Бальзак оказался лишен не только молока матери, но и физической и духовной общности с ней. Вместо этого он с первых дней жизни находился в смятении, а когда он начал немного соображать, это смятение преобразовалось в обиду и отчуждение.

* * *

Турский нотариус 21 мая 1799 года сделал в своей регистрационной книге короткую и ясную запись:

«Сегодня, 2-го прериала VII-го года Французской Республики, ко мне, регистратору Пьер-Жаку Дювивье, явился гражданин Бернар-Франсуа Бальзак, проживающий в здешнем городе, по улице Итальянской армии, в квартале Шардонне, в доме № 25, дабы заявить о рождении у него сына. Упомянутый Бальзак пояснил, что ребенок получит имя Оноре Бальзак и что рожден он вчера, в одиннадцать часов утра, в доме заявителя».

Как видим, никакой дворянской частицы «де» в данном документе нет. Собственно, нет ее и в других дошедших до нас документах – в свидетельстве о смерти отца, в объявлении о

бракосочетании сестры и т. д. Следовательно, как пишет С. Цвейг, «вопреки всем генеалогическим изысканиям Бальзака, она является плодом чистейшей фантазии великого романиста». Ну и его отца, конечно.

* * *

Еще через год той же кормилице отдали и сестренку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

* * *

К моменту рождения Оноре Бальзаки уже считались людьми состоятельными и были приняты в самых богатых домах Тура. Они имели собственный дом, карету и массу слуг. Несмотря на свое низкое происхождение и туманное прошлое, Бернар-Франсуа Бальзак стал вполне респектабельной личностью. Все-таки правильно говорят, что революция – это эпоха смешения всех слоев общества, лучшее время для молниеносных карьер.

Однако Бальзак-сын вряд ли был счастлив в этой семье. Он так никогда и не смог простить матери то, что она удалила его от себя. Впоследствии он писал:

«Каким физическим или духовным недостатком вызвал я холодность матери? Чему я обязан своим появлением на свет? Чувствую ли долга родителей или случаю? Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моем существовании в течение трех лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих»³.

---

³ Вышеприведенный абзац – это отрывок из романа Бальзака «Лилия долины», который написан в жанре романа-исповеди и который вполне можно считать литературно обработанной автобиографией писателя.

Мать Бальзака. Шарлотта-Лора Бальзак

В действительности же мадам Бальзак ничего не имела против сына, просто, напуганная смертью первого ребенка, которого она целый месяц сама кормила грудью, она на этот раз решила подчиниться распространенному в те времена обычаю. Но Бальзаку от этого не было легче. Он считал, что его – еще грудного младенца – выдворили из родного дома, точно прокаженного. Его доверили заботам кормилицы, его редко посещали родители, ему не дарили игрушек. Мать не склонялась над его постелью, когда он болел. Ни разу не слышал он от нее доброго слова.

Бальзак никогда не простит матери этого. Много лет спустя он доверит мадам Ганской душераздирающее признание:

«Если бы вы только знали, что за женщина моя мать. Чудовище и чудовищность в одном и том же лице. Она ненавидит меня по многим причинам. Она ненавидела меня еще до моего рождения. Я хотел было совсем порвать с ней. Это было просто необходимо. Но уж лучше я буду страдать. Это неисцелимая рана. Мы думали, что она сошла с ума, и посоветовались с врачом, который знает ее в течение тридцати трех лет. Но он сказал: «О нет, она не сумасшедшая. Она только злюка...» Моя мать – причина всех моих несчастий».

В этих словах, в этом вопле души, вырвавшемся через столько лет, слышится отзвук бесчисленных тайных мук, которые испытал Бальзак в самом нежном, самом раннем возрасте именно из-за того существа, которое по законам природы должно было быть ему дороже всех на свете.

* * *

Но с другой стороны, холодная сдержанность родителей привела к тому, что его братские чувства к сестре Лоре стали особенно нежными. Позже она вспоминала:

«Я была моложе Оноре, родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой быстротой прибегал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины. Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: «В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!»

Сестра Бальзака

Биограф Бальзака А. Труайя⁴ пишет:

«Пребывание в чужом доме сплотило детей: они вместе ели, играли, спали, мечтали, их поцелуи заменяли материнскую ласку, которой они были лишены».

---

⁴ Труайя, Анри (1911–2007) – известный французский писатель (его настоящее имя Лев Тарасов), член Французской академии, лауреат Гонкуровской премии. Автор более ста романов, а также серии «русских» биографий Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя и др. Его книга о Бальзаке была опубликована в 1992 году.

* * *

В четыре года Бальзака вернули в Тур, под родительский кров. Вернули и его сестру. Но мать так и не сумела вызвать у детей любовь к себе. А любила ли она их сама? Сказать, что не любила, не повернется язык. Но любила по-своему. Просто она считала, что судьба обошлась с ней несправедливо, и испытывала к ним определенную зависть. Ведь у них вся жизнь была впереди, а в ее жизни уже ничего нельзя было изменить. Своего старого и вечно отсутствующего мужа она не любила, прячась в панцирь строгости, дававший ей иллюзию защиты. Она не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела (или не хотела) создать для своих близких счастливый семейный очаг. Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь еще больше портили ее характер.

С. Цвейг пишет о ней:

«Она отличается пренебрежительной способностью постоянно чувствовать себя ущемленной и уязвленной. В то время как муженек весело и беззаботно наслаждается жизнью, нисколько не сокрушаясь и не унывая по поводу мнимых недомоганий и капризов своей благоверной, ее всегда терзают воображаемые хвори, и все ее ощущения неизбежно приобретают истерический характер. Вечно ей кажется, что близкие недостаточно ее любят, недостаточно ценят, недостаточно почитают. Она вечно жалуется, что дети слишком мало признательны ей за великое ее самопожертвование».

Заботу о детях Шарлотта-Лора Бальзак понимала так: главное – не давать им ни малейшей свободы, не спускать с них глаз, всегда следовать за ними по пятам. Но именно эта назойливая и неусыпная заботливость, эти унылые попечения о так называемом благе своей семьи, вопреки самым добрым ее намерениям, парализовывали весь дом.

Много лет спустя, давно уже став взрослым, Бальзак будет вспоминать, как в детстве он вздрагивал всякий раз, заслышав ее голос. Сколько натерпелся он от этой вечно чем-то разгневанной и вечно надутой матери, холодно отстраняющей нежность своих добрых, порывистых и страстных детей, можно понять из слов, вырвавшихся у него в письме:

«У меня никогда не было матери».

А. Моруа, тонкий психолог, отмечает:

«Эти уж слишком горькие слова написаны Бальзаком в минуту гнева. Однако дети тяжело переживают обиды, и какое имеет значение, страдаем мы от действительного или мнимого горя, если нам оно представляется настоящим? Некоторые дети, рожденные в законном браке, чувствуют себя отверженными, не признанными своими родителями, хотя и не понимают, чем вызвана такая немилость. Они больше других жаждут успеха и славы, стремясь таким путем вознаградить себя за тоску, которая гложет им душу».

* * *

Вторая сестра Бальзака, Лоранс, родилась 18 апреля 1802 года. Обстановка в доме от этого только ухудшилась. А. Моруа об этом периоде жизни Бальзака рассказывает так:

«Оноре, Лора и Лоранс были доверены попечению грозной гувернантки, мадемуазель Делаэ; они жили в страхе перед пристальным взглядом темно-синих глаз матери и лживыми обвинениями гувернантки, которая утверждала, что Оноре ненавидит родительский дом, что он неглупый, но скрытный ребенок. Она насмехалась над тем, что мальчик мог подолгу, не отрываясь, смотреть на звезды».

А началось все с того, что мадемуазель Делаэ спросила мальчика:

– О чем ты думаешь, Оноре?

– Ни о чем, – ответил он.

– Ни о чем? У тебя такой отсутствующий вид, будто ты где-то на Луне.

– Да, я был на Луне.

– Вот как! Что-то ты слишком много времени проводишь на этой своей Луне. Встряхнись, вернись на Землю. Возьми себя в руки.

Оноре демонстративно обхватил себя руками.

– Вот, мадемуазель...

– Не смешно, Оноре! Ты несносный мальчишка.

Этой мадемуазель Делаэ было лет под пятьдесят, и этим было все сказано. Дети, оторванные от матери, которую они видели только утром, когда с ней здоровались, и вечером, когда желали ей спокойной ночи, находились под ее неусыпным контролем. Им постоянно приходилось сидеть подле этого грозного стража, ибо гулять и играть одним она им не разрешала. Как тут было не ожесточиться даже самому доброму детскому сердцу?

Самым примечательным событием первых лет жизни Бальзака было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Салламбе пожелали познакомиться с внуком. Мадам Бальзак повезла сына к ним, и старики оказались просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками.

Сравнение добрых бабушки и дедушки с родителями было явно не в пользу последних. По этому поводу А. Труайя пишет:

«Возвратившись к родному очагу после проявлений столь горячей привязанности, Оноре ощущал себя еще более несчастным: отец вовсе не интересовался им, мать едва замечала, когда он вдруг попадался ей на глаза, лицо ее каменело».

Через несколько месяцев после этой поездки, 22 мая 1803 года, дедушка Оноре скончался от апоплексического удара. То было большое горе для мальчика. Немного позднее мадам Салламбе (урожденная Софи Шовэ) переехала жить к своей единственной дочери. У нее была рента, приносящая 5000 франков в год, но она совершила непростительную ошибку, доверив капитал зятю, который вскоре поместил его в рискованное предприятие, представлявшееся ему «блистательным». Лучше бы он этого не делал.

Мадам Салламбе охотно баловала своих внуков. Для них бабушка Софи была кем-то вроде доброй феи. Только с ней они были счастливы: она им разрешала абсолютно все, искренне считая, что любить ребенка – это означает баловать его.

Все ему мешала суровость ее дочери. Оноре буквально трепетал, когда мать говорила, что ей все надоело и теперь она сама займется его образованием. Отец был не такой: он очень любил слушать его пышные тирады и забавные остроты, хотя и не понимал практически ничего. Ему просто нравилось смотреть на этого неунывающего человека.

* * *

Когда Бальзаку исполнилось восемь лет, родители решили определить его в Вандомский коллеж – только бы с глаз долой, только бы он жил в другом месте, в чужом городе. Надо сказать, что на это у них была причина: как раз в это время (21 декабря 1807 года) у них родился еще один сын, которого называли Анри. Поговаривали, и не без оснований, что этот мальчик не был ребенком Бернар-Франсуа, а стал плодом любовной связи мадам Бальзак с неким Жан-Франсуа де Маргонном. Понятно, что «разборок» в семье было не избежать, и присутствие при них уже все понимающего восьмилетнего ребенка было крайне нежелательным.

Жан-Франсуа де Маргонн был женатым человеком, но влюбился в Шарлотту-Лору с первого взгляда и пользовался столь явным расположением этой дамы, что не смог устоять. Бернар-Франсуа, конечно, был возмущен всей этой историей, но потом предпочел закрыть на все глаза, решив, что в его годы надо быть терпимым к определенным и неизбежным сердечным вольностям своей молодой супруги.

Вандомский коллеж был одним из самых известных и при этом одним из самых своеобразных учебных заведений Франции. Основали его монахи-ораторианцы, которые по примеру иезуитов решили посвятить себя воспитанию молодого поколения, но слыли либералами, что не могло не понравиться Бернар-Франсуа. И в самом деле, люди, руководившие коллежем в годы, когда там учился Бальзак (это были Лазар-Франсуа Марешаль и Жан-Филибер Дессень), активно участвовали в революции, были женаты на родных сестрах, но при этом сохранили католическую веру и поддерживали в своем заведении строжайшую дисциплину.

Воспитанники коллежа, размещавшегося в угрюмом замке, окруженном рвом, никогда не уезжали домой на каникулы, они даже не имели права совершать прогулки по городу. Они сами стирали свою униформу и прибирались в комнатах, а по воскресеньям надзиратели проводили тщательную проверку и наказывали их за любую провинность. К тому же специальный цензор коллежа распечатывал все письма, которые получали или отправляли дети.

А. Моруа так характеризует нравы, царившие в Вандоме:

«Удары колокола, а не барабанная дробь возвещали о начале и конце уроков, а также о других занятиях, входивших в распорядок дня. Лицейские правила обычно предписывали громкое чтение какой-либо книги во время трапез. Таким путем стремились предупредить брожение умов. Но наставники-ораторианцы разрешали ученикам разговаривать в столовой. Если им ставили в укор такое послабление, они возражали:

«Помилуйте! Ради воспитания добрых нравов, ради поддержания дисциплины, ради сохранения благотворного влияния на учеников в течение всего года мы отказываемся от каникул, лишая себя отдыха, который они нам сулят, и от экономии средств, которую они дают. А теперь нас упрекают за то, что мы доставляем воспитанникам скромные удовольствия!»

К этим «скромным удовольствиям» относились редкие загородные прогулки парами под наблюдением педагогов и главного воспитателя. Очень редко и только за особые отличия в учебе воспитанникам разрешали поиграть в мяч или понаблюдать за жизнью животных на соседней ферме.

Как видим, жизнь в коллеже была суровая.

Применялись тут и телесные наказания: провинившихся били по пальцам линейкой, обтянутой кожей, и это было весьма болезненно. А особо непослушных надолго запирали в карцере под лестницей (эту каморку ученики именовали «альковым»).

* * *

Когда Бальзак поступил в младший класс Вандомского коллежа, он был толстошеким и румяным мальчуганом, но молчаливым и грустным. О пребывании в родительском доме у него сохранились самые печальные воспоминания, поэтому и в коллеж он принес с собой какую-то тягостную настороженность, держась с окружающими как затравленный зверек. Он и сам чувствовал свою неуклюжесть, а от этого еще больше робел.

Юному Бальзаку трудно было добиться уважения у других воспитанников. По милости своей предусмотрительной мамы он почти не имел карманных денег и потому не мог участвовать в общих мероприятиях. Родители других воспитанников приезжали в Вандом в дни раздачи наград за успехи; его же родители никогда при этом не присутствовали. За шесть лет мать, по словам Бальзака, только дважды посетила его, видимо не желая отступать от духа, царившего в коллеже. В течение всех этих лет и сам Бальзак почти не бывал дома.

До нас дошло одно из писем будущего писателя, адресованное 1 мая 1809 года мадам Бальзак. В нем десятилетний мальчик писал:

«Любезная матушка,

я думаю, папа был огорчен, когда узнал, что меня посадили в «альков». Прошу тебя, успокой его, скажи, что я получил похвальный лист при раздаче наград. Я не забываю проти-

рать зубы носовым платком. Я завел себе толстую тетрадь и переписываю туда начисто все из своих тетрадок, и у меня хорошие отметки, надеюсь, это доставит тебе удовольствие. Обнимаю от всей души тебя и всех родных, а также всех, кого я знаю.

Бальзак Оноре, твой послушный и любящий сын».

Единственным человеком в коллеже, который относился к Бальзаку более или менее ласково, был отец Лефевр, наставник пятого класса. Он верил в чудеса, и в этом у него было много общего со странным учеником, который, считая себя изгоем на земле, похоже, ждал чудес от неба. В обязанности отца Лефевра входило приведение в порядок громадной библиотеки коллежа (около трех тысяч книг), которая была составлена во времена революции, когда «голодные и рабы» громили окрестные замки. Отец Лефевр должен был давать Бальзаку дополнительные уроки по математике, однако этот добрый священник был скорее поэтом и философом, нежели преподавателем, и охотно разрешал мальчику читать в часы, отведенные для приготовления уроков. Между нами был молчаливо заключен своего рода договор: Бальзак не жаловался на то, что ничему не учился, а отец Лефевр молчал по поводу того, что он брал книги. Впрочем, ничему не учился – это неверно. Как раз именно это чтение, скорее всего, и стало самым полезным из того, что Бальзак почерпнул в коллеже.

Вот мнение по этому поводу А. Моруа:

«Мальчик уносил из библиотеки множество книг, а отец Лефевр никогда не проверял, какие именно произведения выбирает юный Бальзак, который на переменах усаживался под деревом и читал, между тем как его товарищи резвились. Часто он намеренно старался попасть в карцер, чтобы там без помехи читать. Постепенно в нем развилась настоящая страсть к чтению».

С. Цвейг с ним совершенно согласен:

«Грандиозный фундамент всесторонних познаний Бальзака был заложен в эти часы чтения украдкой».

А. Труайя отмечает и еще одно важное последствие этого запойного чтения:

«Оноре без разбору поглощал все, что попадало под руку, впрочем, явно отдавая предпочтение книгам поучительным... Следствием этой неистовой и безрассудной страсти стало желание походить на авторов, которыми он восхищался».

Ребенок будто чувствовал, что в нем зреют мысли, которые нужно было научиться выражать, ибо они достойны того, чтобы быть изложенными. Впрочем, в свое предназначение верил только он сам. В глазах же наставников и товарищей юный Бальзак так и остался весьма заурядным человеком.

В коллеже Бальзак начал писать стихи. Увлеченный этой несвоевременной страстью, он даже начал пренебрегать уроками. В насмешку воспитанники, обращаясь к нему, постоянно повторяли фразу из создаваемой им трагедии: «О, Инка, король злополучный, несчастный!» Им казалось, что это очень остроумно. А ведь мальчик действительно был очень несчастен, но ничто не могло его исправить. Однако руководство коллежа отнюдь не было склонно поддерживать в подростковом возрасте подобное увлечение, смешанное с гордыней.

В результате, как утверждает А. Моруа, никакого взаимопонимания между ними не было:

«Так он дошел до предпоследнего класса. Неумеренное чтение, видения, которые оно рождало в его мозгу, дни одиночества в карцере – все это привело к тому, что он впал в какое-то странное состояние полной отрешенности, болезненного оцепенения, и это тем более беспокоило наставников, что они не понимали причин такого состояния. А отрешенность эта была вызвана тем, что мысли его были далеко, что он пребывал в иных мирах, навеянных прочитанным. По мнению ораторианцев из Вандомского коллежа, Оноре Бальзак был невероятным учеником – занимался он мало, и то, что с ним происходило, не было умственным утомлением. Мальчик исхудал, заках и походил на лунатика, спящего с открытыми глазами;

большой части обращенных к нему вопросов он попросту не слышал, и, когда его неожиданно спрашивали: «О чем вы думаете? Где витают ваши мысли?» – он растерянно молчал».

Буквально все в коллеже ощущали в этом мальчике некое тайное противодействие. Никто не пытался понять его, все видели только, что он постоянно читает и учится не так, как следовало бы молодому человеку из приличной семьи.

Если словесные убеждения не давали эффекта, то на это у монахов-ораторианцев был свой особый метод, как добиться от детей почитания старших и воспитания смирения. У С. Цвейга по этому поводу читаем:

«Учителя считают его тупым или вялым, строптивым или апатичным, ведь он не может тащиться в одной упряжке с другими – то отстает, то одним скачком всех обгоняет. Как бы там ни было, ни на кого не сыплется столько палок, как на него. Его непрерывно наказывают, он не знает часов отдыха, ему задают бесконечные дополнительные уроки в наказание, его так часто сажают в карцер, что на протяжении двух лет у него не было и шести свободных дней. Чаще и ужаснее, чем другие, величайший гений своей эпохи вынужден испытывать на собственной шкуре «ультима рацию» – последний довод суровых отцов-ораторианцев: наказание розгой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.